

Весь
БРЭДБЕРИ

Весь

БРЭДБЕРИ

МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ
ИНЫЕ МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ
НЕКАНОНИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

БРЕДБЕРИ ФАНТАСТИКИ

ПЕРВЫЙ ФАНТАСТИК

Рэй

БРЭДБЕРИ

**МАРСИАНСКИЕ
ХРОНИКИ**

Полное издание

Москва
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Ray Bradbury
The Martian Chronicles. The Complete Edition
Copyright © 2009 by Ray Bradbury

Разработка серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Анатолия Дубовика*

Брэдбери, Рэй.
Б89 Марсианские хроники : [перевод с английского]. / Рэй Брэдбери — Полное издание. — Москва : Эксмо, 2019. — 608 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-04-098754-2

За время своей долгой литературной карьеры Рэй Брэдбери создал ряд ярчайших произведений нашего времени. Но ни одно из них не может показать всю широту и глубину его таланта, кроме, пожалуй, «Марсианских хроник». Визионерский рассказ о попытке колонизации человечеством другой планеты, новом фронтире и атомном апокалипсисе, эта уникальная книга является одновременно научной фантастикой и неотъемлемой частью современной культуры.

В книгу вошли сами «Марсианские хроники», впервые выходящие на русском языке в самом полном составе, включая новеллы и предисловия, изъятые или добавленные автором в разное время, а также «Иные марсианские хроники» и «Неканонические хроники» — два сборника «марсианских рассказов», отобранных самим Брэдбери.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

- © Л. Жданов, наследники, перевод на русский язык, 2019
- © В. Серебряков, перевод на русский язык, 2019
- © Н. Галь, перевод на русский язык, 2019
- © О. Акимова, перевод на русский язык, 2019
- © М. Молчанов, перевод на русский язык, 2019
- © А. Оганян, перевод на русский язык, 2019
- © Т. Покидаева, перевод на русский язык, 2019
- © И. Нечаева, перевод на русский язык, 2019
- © А. Гришин, перевод на русский язык, 2019
- © Издание на русском языке, оформление.
«Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098754-2

**Марсианские
хроники**

ДОЛГАЯ ДОРОГА НА МАРС

Предисловие 1990 года.

Как я перебрался из Уокигана, штат Иллинойс, на Красную планету, Марс?

Возможно, об этом могли бы рассказать два человека.

Их имена указаны в посвящении юбилейного издания, выпущенного к сорокалетию со дня выхода в свет «Марсианских хроник».

Эти двое — мой друг Норман Корвин, который первым выслушивал мои марсианские истории, и мой будущий редактор Уолтер Брэдбери (не родственник), который сразу же разглядел, что я затеял, хотя сам я об этом еще не подозревал, и убедил меня закончить роман, который я даже не знал, что пишу.

Мое путешествие в тот весенний вечер 1949 года, когда Уолтер Брэдбери заставил меня удивиться себе самому, проходило по неуправляемой траектории многочисленных «а что, если».

А что, если бы я не услышал радиопостановки Нормана Корвина и не влюбился в нее, когда мне было девятнадцать?

А что, если бы я не отправил свой первый сборник рассказов Корвину, который потом стал мне другом на всю жизнь?

А что, если бы я не последовал его совету и не поехал в Нью-Йорк в июне 1949 года?

Ответ простой: возможно, не было бы никаких «Марсианских хроник».

Однако Норман упорно твердил, что мне пора бы уже засветиться в манхэттенских издательствах и что он со своей женой Кэти встретят меня в Нью-Йорке, все покажут,

расскажут и будут всячески оберегать. Из-за его уговоров я, оставив беременную жену в Лос-Анджелесе, проехал через всю страну — четверо суток в междугороднем автобусе, четыре долгих дня и ночи, свернувшись, как прокисший чайный гриб, в шарообразный, заплесневелый грибок, с 40 долларами на банковском счету и договоренностью с общежитием Молодежной христианской ассоциации (5 долларов в неделю), ожидавшим меня на Сорок второй улице.

Корвины, выполняя свое обещание, всячески меня опекали и знакомили с редакторами, которые спрашивали:

— Вы привезли роман?

Я признавался, что, будучи спринтером, привез только пятьдесят коротких рассказов и древнюю, побитую жизнью пишущую машинку. Есть у них надобность в полусотне рассказов, плодов буйного творческого воображения, в основном гениальных? Такой надобности у них не было.

Что приводит к последнему, самому главному «а что, если».

А что, если бы я не пошел ужинать с последним из редакторов, которому я был представлен — Уолтером Брэдбери из Doubleday, и он не задал бы мне все тот же гнетущий вопрос: есть ли у меня готовый роман, и не услышал бы в ответ мой рассказ о забеге на милю за четыре минуты, это когда за завтраком я наступаю на мину-идею, она взрывается, а я собираю куски и осколки и сплавляю их заново, чтобы к обеду они охладились.

Уолтер Брэдбери покачал головой, доел десерт, крепко задумался и сказал:

— Мне кажется, вы уже написали роман.

— Как? — спросил я. — *Когда?*

— А вот эти ваши марсианские рассказы, которые вы публиковали последние четыре года, — сказал он. — Ведь там же есть некая общая нить? Может быть, вы их как-то пришьете друг к другу, вроде как соберете мозаичный гобелен, троюродный брат романа?

— О боже! — воскликнул я.

— Что?

— О боже, — повторил я. — В 1944-м я прочел «Уайнсбург, Огайо» Шервуда Андерсона, и книга настоль-

ко меня впечатлила, что я сказал себе: надо бы попытаться написать что-то хотя бы наполовину такое же сильное, а действие перенести на Марс. Я даже составил краткие описания героев и событий на Красной планете, но потом потерял их в своих бумагах!

— Похоже, мы их нашли, — сказал Брэд.

— *Правда?*

— Даже не сомневайтесь, — сказал Брэд. — Возвращайтесь к себе в общежитие и составьте краткий конспект всех марсианских рассказов. Завтра несите его ко мне. Если мне понравится, сразу подпишем договор, и я дам вам аванс.

Дон Конгдон, мой лучший друг и литературный агент, сидевший напротив, кивнул.

— В полдень буду у вас в редакции! — сказал я Брэду.

Чтобы это отметить, я заказал второй десерт. Брэд и Дон взяли по пиву.

Была типичная для Нью-Йорка жаркая июньская ночь. Кондиционеров тогда еще не придумали. Я просидел за машинкой до трех часов пополуночи, в одних трусах, обливаясь потом, сводил по весам и центровкам своих марсиан в их странных городах в последние часы до прибытия и отбытия моих космонавтов.

Ровно в полдень, усталый, но довольный, я положил конспект на стол Уолтера Брэдбери.

— Вы это сделали! — сказал он. — Завтра подпишем договор, и сразу получите чек на аванс.

Кажется, я выражал свои чувства чересчур бурно. Слегка успокоившись, я спросил про другие мои рассказы.

— Сейчас, когда мы будем публиковать ваш первый роман, — сказал Брэд, — можно рискнуть и с рассказами, хотя подобные сборники редко когда продаются. Сможете придумать название, которое объединило бы два десятка разрозненных рассказов? Вроде как одело бы их в кожу..

— В кожу? — переспросил я. — Тогда почему бы не «Человек в картинках»? Так называется мой рассказ о цирковом зазывале, чьи татуировки двигались, и оживали, и разыгрывали будущее в живых картинах у него на груди, на руках и ногах.

— Похоже, придется выписывать сразу два чека, на два аванса, — сказал Уолтер Брэдбери.

Через три дня я уехал из Нью-Йорка с двумя подписанными договорами и двумя чеками на общую сумму 1500 долларов. Достаточно, чтобы платить целый год за съемное жилье по 30 долларов в месяц, поднять ребенка и внести первый взнос за маленький типовой домик вдалеке от Венеции, штат Калифорния, и от моря. К тому времени когда родилась наша первая дочь — осенью 1949 года, — я уже совместил и приладил друг к другу все когда-то потерянные, а теперь вновь обретенные марсианские штуковины. У меня получился не парад чудачковатых персонажей, как в «Уайнсбурге, Огайо», а сплав странных идей, представлений, фантазий и грез, которые виделись мне во сне и грезились наяву, начиная с двенадцати лет.

«Марсианские хроники» вышли на следующий год, в конце весны 1950-го.

Когда я поехал на восток той весной, то еще сам не ведал, что сотворил. Оказавшись в Чикаго, я пошел в Институт искусств, чтобы пообедать с одним из моих друзей. Я увидел толпу на лестнице института и подумал, что это туристы. Но, как только я стал подниматься, эти люди бросились мне навстречу и окружили со всех сторон. Оказалось, что это не поклонники искусства, а читатели, которые уже прочитали мои «Марсианские хроники» и пришли, чтобы сказать мне, что именно я написал, сам того не понимая. После той встречи моя жизнь изменилась уже навсегда. После той встречи все стало иначе.

Список этих «а что, если» можно продолжать бесконечно. А что, если бы я не встретил Мэгги, которая согласилась стать моей женой и приняла ради меня обет бедности? Что, если бы в ту же неделю, когда я женился на Маргарет, Дон Конгдон не пожелал бы стать моим литературным агентом, каковым он остается уже сорок три года?

И что, если бы, вскоре после выхода «Хроник», я не зашел бы в тот маленький книжный в Санта-Монике, куда в то же самое время заглянул и Кристофер Ишервуд?

Я быстренько подписал и вручил ему экземпляр моей книги.

Ишервуд принял подарок с выражением встревоженным и тоскливым и тут же сбежал.

Через три дня он позвонил мне домой.

— Знаете, что вы сделали? — спросил он.

— Что?

— Вы написали отличную книгу. Я буквально на днях стал главным книжным обозревателем в журнале «Tomorrow», и ваша книга будет первой, о которой я напишу.

Спустя пару месяцев Ишервуд позвонил и сказал, что известный английский философ Джеральд Херд хочет со мной познакомиться и для этого приехать ко мне.

— Ко мне нельзя! — крикнул я.

— Почему?

— Потому что мы только что въехали в новый дом и у нас нет мебели!

— Джеральд Херд будет сидеть на полу, — сказал Ишервуд.

Херд приехал и сидел на единственном в доме стуле.

Мы с Мэгги и Ишервудом сидели на полу.

Через пару недель после той встречи Херд и Олдос Хаксли пригласили меня на чай, и оба спросили, вторя эхом друг другу:

— Вы сами-то знаете, кто вы?

— Кто?

— Вы *поэт*, — сказали они в один голос.

— О боже, — ответил я. — Правда?

Так что мы завершаем на том, с чего начали: один друг отправляет меня в дорогу, другой встречает в конце пути. Что, если бы Норман Корвин не уговорил меня уехать в Нью-Йорк, а Уолтер Брэдбери не принял бы меня там?

Возможно, у Марса никогда не появилась бы атмосфера, и марсиане никогда не рождались бы и не жили в своих золотых масках, а их непостроенные города навсегда затерялись бы среди холмов с неразработанными карьерами. Большое спасибо этим двоим за ту поездку в Манхэттен, обернувшуюся путешествием в другой мир — кольцевым рейсом, который существует уже сорок лет.

Р.Б. 6 июля 1990 года

ГРИНТАУН, ГДЕ-ТО НА МАРСЕ. МАРС, ГДЕ-ТО В ЕГИПТЕ

Предисловие 1997 года.

«Не говорите мне, что я делаю, знать этого не хочу».

Это не мои слова. Это сказал мой друг, итальянский режиссер Федерико Феллини. Снимая новый фильм сцену за сценой, он отказывался просматривать уже готовые материалы, которые проявляли в лаборатории по вечерам. Он хотел, чтобы его работа оставалась секретом и продолжала бы его интересовать и манить.

Так же я относился к своим рассказам, пьесам и стихам большую часть жизни. Так случилось и с «Марсианскими хрониками» в годы, предшествовавшие моей женитьбе в 1947 году, а вот в 1949-м, когда я приступил к окончательной работе над текстом, меня ждал сюрприз. Начинались «Хроники» как случайные рассказы о Красной планете, мелкая побочная работа, а в результате же в июле и августе этого года я каждое утро садился за пишущую машинку, мечтая узнать, что же приготовила мне моя муза.

Что же это была за муза? Всегда ли я верил в это мифическое создание? Нет. Вначале, в старших классах и сразу после них, я продавал газеты на улицах и занимался тем же, чем большинство писателей в начале карьеры: подражал старшим товарищам и копировал сверстников, тем самым лишая себя всякой возможности увидеть истину, которая пряталась под моей кожей, у меня в голове.

Хотя я написал несколько очень хороших фантастических и полусказочных рассказов, которые опубликовали, когда мне было двадцать с небольшим, они ничему меня не научили. Я отказывался видеть свои собственные мысли, которые варились у меня в голове и выплескивались на бумагу. Мои истории о чудесном были яркими и живы-

ми. Рассказы о будущем — безжизненными, механически-ми и недвижимыми.

Освободил меня сборник Шервуда Андерсона «Уайнсбург, Огайо». Мне было двадцать три года, и меня заворожил десяток героев, которые проводили жизнь на полуосвященных крылечках и темных чердаках городка, в котором всегда стояла осень. «Господи! — воскликнул я. — Вот бы написать книгу хотя бы вполовину столь хорошую! Только чтобы действие происходило на Марсе!»

Я нацарапал список городов и народов этого далекого мира, придумал названия, начал и забросил дюжину рассказов, а потом отложил их в сторонку и забыл о них. Или решил, что забыл.

Потому что музы умеют терпеть. Они продолжают жить, даже если не обращать на них внимания. Они ожидают, что вы вернетесь к ним — или они умрут, не сказав ни слова. Я должен был убедить себя, что миф — это не призрак, что это умозрительное вещество должно заговорить, заплясать на кончиках моих пальцев и лечь на бумагу.

За следующие несколько лет я написал множество марсианских «мыслей», шекспировских реплик в зал, рассуждений, ночных видений, предрасветных снов. Французы — например, Сен-Жон Перс — достигли в этом совершенства. Это полупоэтические, полупрозаические отрывки длиной от ста слов до целой страницы, которые могут быть посвящены любой теме и вдохновляются погодой, моментом, красивым зданием, хорошим вином, вкусной едой, видом на море, коротким закатом или длинным рассветом. Наглотавшись всего этого, люди блюют волосяными шарами — ну или бессвязными внутренними монологами а-ля Гамлет.

Так или иначе, я сложил свои «мысли» в стопку в случайном порядке и рассовал по дюжине других столов.

Потом произошло счастливое событие. Норман Корвин, величайший радиорежиссер и радиописатель в истории, настоятельно пригласил меня в Нью-Йорк, потому что считал, что меня пора «открыть». Я послушно прикатил на Манхэттен на автобусе и, изнывая в Юношеской

христианской ассоциации, повстречал Уолтера Брэдбери (не родственник), великолепного редактора из компании «Даблдей», который предположил, что я могу соткать невиданное прежде полотно. Он спросил, не могу ли я как-то соединить все свои марсианские сказки. Сделать из них Марсианские хроники?

— Господи, — прошептал я, — это же «Уайнсбург, Огайо».

— Что? — переспросил Уолтер Брэдбери.

На следующее утро я отправил ему план «Хроник» и заодно идею «Человека в картинках». Домой я вернулся на поезде, с чеком на полторы тысячи долларов, который позволил мне заплатить за жилье (тридцать долларов в месяц) за два года вперед и обзавестись первой дочерью.

«Марсианские хроники» были опубликованы поздней весной 1950 года. Их почти не заметили. Разве что Кристофер Ишервуд увенчал меня лавровым венком и познакомил меня с Олдосом Хаксли, который за чаем наклонился ко мне и сказал:

— Вы хоть понимаете, кто вы?

«Не говорите мне, что я делаю, — подумал я, — знать этого не хочу».

— Вы поэт, — заявил Хаксли.

— Проклятье, — отозвался я.

— Да нет, благословение.

Истинное, генетическое благословение.

И именно оно легло в основу этой книги.

Можно ли здесь проследить кровавый след Шервуда Андерсона? Нет. Он уже давно растворился и переварился у меня внутри. «Уайнсбург, Огайо» немного виден в другом моем сборнике рассказов, который притворяется романом, — в «Вине из одуванчиков». Но это вовсе не точная копия. Гротескные фигуры Андерсона похожи на горгулий на городских крышах, я же пишу о колли, старых девах, купающихся в фонтанах, мальчике, который излишне чувствителен по отношению к трамвайным вагонам, утраченных друзьях и полковниках времен Гражданской войны, утонувших во времени или допившихся до потери памяти. Единственные горгульи на Марсе —

это марсиане, замаскировавшиеся под моих родственников из Гринтауна и прячущиеся от наказания.

Шервуд Андерсон, наверное, не знал, как правильно пользоваться огненными фонариками, которые принято запускать на День независимости. Я поджигал и запускал их на Марсе и в Гринтауне, и они тихо и мирно сторали в обеих книгах, давая совсем немного света — только что-бы читать можно было.

Примерно восемнадцать лет назад «Марсианские хроники» ставили в театре на Уилшир-бульваре. В шести кварталах к западу, в Музее искусств округа Лос-Анджелес, открывали выставку сокровищ Тутанхамона, путешествовавших тогда по миру. Я бегал между Тутанхамоном и театром и удивлялся все сильнее.

— Господи, — говорил я, глядя на золотую маску Тутанхамона, — это же Марс.

— Господи, — говорил я, глядя на своих марсиан на сцене, — это же Египет, населенный призраками Тутанхамона.

Вот так старые мифы в моей голове сделались новыми, а новые мифы были запеленуты в папирус и закрыты сияющими масками.

Сам того не зная, все это время я был потомком Тутанхамона, я писал иероглифы Красной земли и искал будущее в занесенном песками прошлом.

Учитывая все вышесказанное, почему «Марсианские хроники» регулярно называют научной фантастикой? Это же не она. Только один рассказ во всей книге, «Будет ласковый дождь», соблюдает законы физики. Это рассказ об одном из первых «умных домов», которые появились вокруг нас за последние годы. В 1950-м такой дом стоил бы целое состояние. А с пришествием современных компьютеров, интернетов, факсов, магнитофонов, плееров с наушниками и огромных телевизоров его можно стало быстренько обставить за сходную сумму в ближайшем магазине электроники.

Что же такое тогда «Хроники»? Тутанхамон восстал из своей гробницы, когда мне было три, Эда появилась в моей жизни в шесть, а римские и греческие боги зача-